

Литература в «Войне и мире» Л.Н. Толстого

Михаил Иткин (образовательная программа «Филология»)

В романе Л.Н. Толстого «Война и мир» литература проявляется в самых разных формах и значениях. К этой категории можно отнести не только книги (упоминаемые произведения, их авторы или «книги» в целом), но и лирические вставки (из стихотворений, песен), и рассказы «божьих людей» (странников), и письма (дневники), и малые формы фольклора – анекдоты, афоризмы, пословицы, поговорки¹. Все эти литературные элементы рассеяны по роману, их многообразие может создать ощущение хаотичности, «случайности» и отсутствия определенной идеологической окраски. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что различные литературные формы встраиваются в систему зеркальных отражений, «лабиринт сцеплений» романа, и не только становятся приметамы эпохи с ее особым колоритом, но и проводят невидимые связи между эпизодами и героями, отображая их духовные сближения и отдаления друг от друга.

Вероятно, одним из главных противоречий, которые показывает Толстой в своем романе, является конфликт французской культуры с русской. Всеобщая для той эпохи слитность двух культур, отраженная на многих уровнях текста произведения (главным образом, в речи персонажей²), начинает размыкаться из-за политических событий. Параллельно с противостоянием Наполеону, созданием Ополчения и т. п. в мире романа все чаще артикулируется идея патриотического духа, носителем которого является не аристократия, а народ. Мотив очищения и обнаружения национального распространяется почти на все сюжетные линии, становится критерием для идеологического разделения героев и затрагивает, в частности, сферу литературы.

Как и персонажи, литература в романе разделяется на три идеологические и языковые группы: французское, псевдонациональное и истинно национальное. Любопытно, что последняя группа почти не содержит собственно «литературных» примеров: из письменных можно назвать разве что Евангелие, остальные же преимущественно устные (пословицы и поговорки, рассказы «странников» и т. п.). Письменная художественная литература в романе –

---

¹ В фокусе нашего внимания находятся преимущественно те текстуальные вставки, которые обретают черты художественности. К ним не относятся цитируемые в романе исторические документы, философские и религиозные тексты, рескрипты, военные сводки, официальные письма. Впрочем, иногда (напр., в салоне Шерер – 4-1-1) чтение официального текста перемещает его в категорию литературных форм; к ним же относим и «афиши» Раstopчина, рассматриваемые в той же идеологической перспективе.

² См. об этом: *Виноградов В.В.* Избр. труды. Язык и стиль русских писателей: От Гоголя до Ахматовой. М., 2003. С. 147–160.

Литература в «Войне и мире» Л.Н. Толстого

почти всегда французская и по своей чуждости русскому духу сближается с формами псевдонационального. Чаще всего это соположение достигается путем пародирования французского стиля произведения или автора, а вместе с ними и персонажа «Войны и мира», с которым связывается французское.

Одним из первых случаев литературной игры с французским в романе становится образ Жюли Карагиной, который вводится в повествование через ее письма к княжне Марье (1-2-XII)³. В разговоре с дочерью Болконский-отец шутливо именуется Жюли «Элоизой» («От Элоизы? – Да, от Жюли»), и приводимая далее переписка Жюли с Марьей превращается в стилистическую имитацию писем Юлии к Кларе и другим героям романа Руссо. По ходу действия, впрочем, оказывается, что роль Юлии подходит скорее Марье, чем ее подруге Карагиной, которая, чтобы наконец-то выйти замуж (за Бориса Друбецкого), готова предложить свои «пензенские имения и нижегородские леса» (2-5-V). Псевдолюбовная история Бориса и Жюли сопровождается обменом элегическими репликами и стихотворениями на французском языке, а также чтением «Бедной Лизы» Карамзина, но в гармонии сентиментальных вздохов обнаруживается точный расчет, приводящий к взаимовыгодной женитьбе⁴. Те же мотивы в логике романа объединили Берга и Веру Ростову. Чужая в шумном родительском доме, рассудительная Вера, у которой, по замечанию Наташи, «сердца нет», имела прозвище *madame de Genlis* (1-1-XI). Позднее имя этой французской писательницы встретится на обложке романа, который читает Кутузов перед Бородинским сражением, однако прямое сопоставление героя с книгой в восприятии князя Андрея (и самого Толстого) превратится в противопоставление: «...он русский, несмотря на роман Жанлис и французские поговорки» (3-2-XVI).

Таковыми же истинно русскими людьми не из мира народа, но близкими к нему, оказываются Ростовы. Кроме того, что их речь звучит максимально «не салонно» и в ней довольно часто проскальзывают элементы чисто русского⁵, жизнь в этом доме сопровождается песнями на родном языке. Влюбленный в Соню Николай исполняет песню «В приятну ночь, при лунном свете...» (1-1-XVII), попавший под обаяние Наташи Денисов поет на русском стихотворение

---

³ Здесь и далее отсылки к тексту романа будут даваться в скобках в формате № тома – № части – № главы. Сам роман цит. по: *Толстой Л.Н. Война и мир: В 2 кн. М.: Худож. лит., 2011.*

⁴ Ср. поговорку «Браки совершаются на небесах» (*Les mariages se font dans les sieux*), которая произносится в романе дважды (перед браком Элен и Пьера – 1-3-II; перед предложением князя Андрея Наташе – 2-3-XXII) и в обоих случаях сигнализирует о неустроенности намечающегося (раннего) брака.

⁵ Ср. реплику растроганного графа Ростова «Яйца курицу учат», когда Наташа уговаривает увезти раненых из Москвы на подводах (3-3-XVI). Свои книги Ростовы в числе других вещей с собой не берут. Некоторая десакрализация литературы во время нашествия врага прослеживается и в эпизоде отъезда Марьи Болконской из Богучарова: «Ишь книг-то, книг <...> – Да, писали, не гуляли! – значительно подмигнув, сказал <...> мужик» (3-2-XIV).

Литература в «Войне и мире» Л.Н. Толстого

собственного сочинения (2-1-XV), а после охоты с «дядюшкой» Наташа и Николай с восторгом подпевают под балалайку и гитару (2-4-VII)⁶. Пение как признак принадлежности к истинно национальному отражается и в панорамных военных сценах – русская песня «Ах вы, сени, мои сени!» (1-2-II) и даже французская «Vive Henri Quatre...» («Виварика!...» в подражании русского солдата – 4-4-XI) равным образом выражают русский братский дух.

Принадлежность к народному заметна и в характере, и в речи Марьи Дмитриевны Ахросимовой, близкой семье Ростовых: «На все воля Божья: и на печи лежа умрешь, и в сражении Бог помилует» (1-1-XVI). Вместе с вышеупомянутыми примерами ее резкие высказывания противостоят и плавной французской речи, и всему французскому и псевдонациональному, что вобрала в себя рассыпанные в романе пышные афоризмы Наполеона, исковерканные фразы Шиншина⁷, изысканные «mots» Билибина, тупые «анекдоты» Ипполита и Василия Курагиных и пустые «афиши» Растопчина, преследуемого «сумасшедшим» (Башмачкиным?) во время побега из Москвы.

Но если у Ростовых отнесенность к истинно национальному исходит как бы из самого духа семьи и связана скорее с мелкими формами литературы, то Пьер Безухов является, пожалуй, единственным героем, который преодолевает в себе европейскую природу и эволюционирует до носителя истинно национальной культуры путем проб и ошибок – в частности, в выборе литературы. Из всех персонажей романа Пьер – наиболее читающий. (Несмотря на то, что князь Андрей, по мнению друга, «все читал, все знал, обо всем имел понятие» (1-1-VI), единственные два названные произведения, которые закрепляются за Болконским, это сказка о Синей бороде (3-1-VIII), вероятно, иронически перекодирующая предательство Наташи, и Евангелие, осмысляемое им во время последней болезни (3-3-XXXII)).

Подвижные литературные предпочтения Пьера всегда совпадают с тем, кем он себя видит в данный момент своего духовного роста, и почти всегда литература вызывает в нем отклик. Первая книга, которую он читает у Болконских после вечера Шерер, это «Записки (о Галльской войне)» Цезаря (1-1-V). Скорее всего, этот выбор совпадает с увлеченностью Пьера Наполеоном, неоднократно отождествлявшим себя с римскими императорами (ср. характерный

---

⁶ Для детального описания охоты Ростовых (2-4-III-VI) литературным образцом могли послужить рассказы из тургеневских «Записок охотника». В сцене охоты в «Детстве» Толстого нет такого количества слов из охотничьего лексикона с пояснением их значений и не делается сильного акцента на диких, самобытных крестьянах и их «голосе». Ср. важность сцены с охотой с наблюдением С.Г. Бочарова о сравнениях французской армии с затравленным зверем: *Бочаров С.Г.* Роман Л. Толстого «Война и мир». М., 1978. С. 22–23.

⁷ Самая характерная из них, пожалуй, перифраз афоризма Вольтера: «Ежели бы не было Багратиона, il faudrait l'inventer» (2-1-III). Впрочем, еще более комичный и псевдопатриотический эффект на том же вечере создают архаизированные одические вирши в честь Багратиона: «Славь тако Александра век...» и т. д.

эпизод, где Пьер, представляя себя Наполеоном, «казнит» воображаемых изменников – 1-1-ХІІІ). Далее, после разрыва с Элен и дуэли⁸ Пьер случайно встречает Баздеева и от чтения эпистолярного романа *M-me Suza* (2-2-І)⁹ переходит к масонским книгам, Фоме Кемпийскому, Евангелию, Апокалипсису Иоанна Богослова и т.д., таким образом как бы противореча ранее явленной реплике Марьи Болконской о модной «мистической книге» в письме к Жюли («<...> путать себе мысли, пристращаясь к мистическим книгам, которые возбуждают только сомнения в <...> умах, раздражают <...> воображение и дают <...> характер преувеличения, совершенно противный простоте христианской») (1-2-ХІІ). Впрочем, в финальных сценах в Москве масонские акты, книги и мысли о «числе зверя» для Пьера уже представляются «в смутном виде» (3-3-ХХVІІ), а после встречи с Платоном Каратаевым видятся им не иначе, как бывшие ориентиры. Подобно Марье, которая обретала истинно национальное в рассказах Пелагеюшки и других странниц, Пьер через общение с Каратаевым и сближение с «народом» (в т. ч. через слушание рассказов о странствиях и различных поговорок) окончательно обретает себя.

Финал романа, в котором Николеньке Болконскому снится, как он идет с Пьером «в касках – таких, которые были нарисованы в издании Плутарха» (Эпилог-1-ХVІ), восстанавливает контекст «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха («впереди огромного войска», «Муций Сцевола сжег свою руку») и как бы завершает «круг» чтения Пьера, начавшего с пылких речей в салоне Шерер и «Записок» Цезаря, а закончившего другими, тоже не всеми признаваемыми идеалами. Возможно, фигура излюбленного декабристами Плутарха, возникающая в конце романа, становится и своего рода авторской проекцией античного историка, который через «сравнительные жизнеописания», латинские изречения (*Quos vult perdere – dementat* и др.), «охотничьи» сравнения и софизмы про Ахиллеса (3-3-І) создает новую модель восприятия национального мифа, духа и лидера.

---

⁸ Ср. именование Элен как Елены и слегка необоснованное автосравнение Пьера с Парисом (1-3-ІІ). Отсылка к «Илиаде» не только манифестирует красоту Курагиной через культурный архетип, но и имплицитно связывает ее образ с будущими военными действиями.

⁹ Ср. шутку Жюли Карагиной, направленную против Пьера как «рыцаря» Наташи Ростовской: «Вы знаете, граф, что такие рыцари, как вы, бывают только в романах *madame Suza*» (3-2-ХVІІ).

Литература в «Войне и мире» Л.Н. Толстого

Библиография

Бочаров С.Г. Роман Л. Толстого «Война и мир». М., 1978.

Виноградов В.В. Избр. труды. Язык и стиль русских писателей: От Гоголя до Ахматовой. М., 2003.

Толстой Л.Н. Война и мир: В 2 кн. М.: Худож. лит., 2011.